

то, что он не пил вина. Однако Эрве был упрям; он дал себе слово следить за всем, что будет происходить. «Завтра утром, — подумал он, — я скажу Матилину все, что я думаю, ведь еще немного — и он позволит делать с собой все, что угодно».

Он положил дубинку под подушку и, прочитав молитвы Богу и святому Эрве, заснул.

Как только Эрве забылся во сне, ему привиделось, будто дубинка поднялась сама собой. Голова святого на дубинке стала большой, как голова живого человека. Светящиеся глаза обратились на Эрве, однако губы оставались неподвижными, и вскоре видение исчезло.

На следующий день взволнованный Эрве рассказал брату свой сон, а с него перевел разговор на свои раздумья, сказал, что надо быть начеку, что бы ни творилось в доме.

Но Матилина такие разговоры не смутила.

— Бояться тут нечего, — сказал он, — послезавтра мы отсюда уйдем.

Утро пролетело быстро. После обеда хозяин снова устроил прогулку: он отвел братьев к одному из тех домов, которые они видели накануне. Вокруг дома, как и везде, росли фруктовые деревья, пели птицы и цветы. Хозяин взял ключ и открыл дверь. Мальчики так и застыли на пороге в удивлении. Но если Эрве казался испуганным, то Матилина просто заорожило то, что он увидел.

Так что же увидел Эрве, а что Матилин?

Весь дом состоял из одной широкой и длинной комнаты; свет в нее попадал через высокие окна. По обеим сторонам рядами лежали, сидели и стояли человеческие тела. Матилин видел облаченные в красивые одежды восковые фигуры с просветленными лицами, с живыми глазами; а перед Эрве предстали синие и черные трупы одетых в рубища крестьян и ремесленников.

Матилин переходил от одной фигуры к другой, рассматривая каждую вблизи и нахваливая красивую одежду. Эрве протирает глаза, но видел только унылых и отвратительных мертвецов. Он не смел и не хотел говорить, ведь хозяин, который шел следом за ними, улыбался, слушая, что говорил Матилин.

А Матилин говорил брату: